

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

ЗОЩЕНКО

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я   к л а с с и к а

Михаил Михайлович Зощенко

Не может быть!

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66932328

Не может быть : [сборник] / Михаил Михайлович Зощенко: АСТ;

Москва; 2021

ISBN 978-5-17-145409-8

Аннотация

Порой невероятные, порой по-своему трогательные и неизменно гомерически смешные приключения обитателей и обительниц послереволюционной России, в которой наконец-то в свои права вступила мирная повседневная жизнь, с ее радостями и горестями, заботами и хлопотами...

Когда-то персонажей этих рассказов, комедий и фельетонов злобно клеймили «мещанами» и «обывателями». Но все меняется, и теперь эти суетливые и забавные «маленькие люди», которые, в сущности, хотят того же, чего люди хотели во все времена, – счастья, комфорта и обеспеченного существования, нам гораздо понятнее, ближе и роднее, чем их ненавистники и хулители. И наш смех над их злоключениями – смех добродушный и доброжелательный.

Содержание

Рассказы	5
Именинница	5
Папаша	9
Дрова	12
Воры	16
Галоша	20
Баретки	25
Волокита	28
Серенада	32
Приятная встреча	37
Слабая тара	44
Не надо спекулировать	50
Смешная история	55
Испытание героев	59
С Луны свалился	69
Личная жизнь	78
Беспокойный старичок	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Михаил Зощенко

Не может быть

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

© М.М. Зощенко, наследники, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Рассказы

Именинница

До деревни Горки было всего, я полагаю, версты три. Однако пешком идти я не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

— А что, дядя, — спросил я, — не подвезешь ли меня до Горок?

— Подвезти можно, — сказал мужик, — только даром мне нет расчета тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная.

Я сел в телегу, и мы тронулись.

Дорога действительно была аховая. Казалось, дорога была специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

— Грязь-то какая, — сказал я.

— Воды, конечно, много, — равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрестанно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

– Ты что ж это, бродяга! – кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. – Ты кого же посадил-то, черт рванный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бородачку.

– Ах, паразит-баба, – сказал он с улыбкой, – кроет-то как?

– А чего она? – спросил я.

– А пес ее знает, – сказал мужик, сморкаясь. – Не иначе как в телегу ладит. Неохота ей, должно статься, по грязи хлюпать.

– Так пушай сядет, – сказал я.

– Троих не можно увезти, – ответил мужик, – дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки до живота, нажимала все быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудновато.

– А ты что, с ней уговорился, что ли? – спросил я.

– Зачем уговорился? – ответил мужик. – Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

– Да что ты?! Жена? – удивился я. – Зачем же ты ее взял-

то?

– Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив...

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупотченного супруга.

Я подал мужику рубль, спрыгнул с телеги и сказал:

– Пушай баба сядет. Я пройдуся.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волоса.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

– Ну, что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

– Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас... Да ничего ей, бабе-то. Она у меня – дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни, стараясь теперь не глядеть ни на моего извозчика, ни на именинницу.

Мужик угрюмо молчал.

И только когда мы подъехали к дому, мужик сказал:

– Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу тройак брать надо.

Пока я рассчитывался с извозчиком и расспрашивал, где бы мне найти председателя, — подошла именинница. Пот катил с нее градом. Она одернула свои юбки, не глядя на мужа, просто сказала:

— Выгружать, что ли?

— Конечно, выгружать, — сказал мужик. — Не до лету лежать товару.

Баба подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

1926

Папаша

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья. Горе молодого счастливого отца не поддается описанию. Очень он грустит по этому поводу.

«Мне, – говорит, – на младенцев завсегда противно было глядеть. Ножками дрыгают, орут, чихают. Толстовку тоже очень просто могут запачкать. Прямо житья нет от этих младенцев.

А тут еще этакой мелкоте деньги отваливай.

Третью часть жалованья ему подавай. Так вот – здорово живешь. Да от этого прямо можно захворать. Я народному судье так и сказал:

– Смешно, – говорю, – народный судья. Прямо, – говорю, – смешно, какие ненормальности. Этакая, – говорю, – мелкая крошка, а ему третью часть. Да на что, – говорю, – ему третья часть? Младенец, – говорю, – не пьет, не курит и в карты не играет, а ему выкладывай ежемесячно. Это, – говорю, – захворать можно от таких ненормальностей.

А судья говорит:

– А вы как насчет младенца? Признаете себя ай нет?

Я говорю:

– Странные ваши слова, народный судья. Прямо, – говорю, – до чего обидные слова. Я, – говорю, – захворать могу от

таких слов. Натурально, – говорю, – это не мой младенец. А только, – говорю, – я знаю, чьи это интриги. Это, – говорю, – Маруська Коврова насчет моих денег расстраивается. А я, – говорю, – сам тридцать два рубля получаю. Десять семьдесят пять отдай, – что ж это будет? Я, – говорю, – значит, в рваных портках ходи. А тут, – говорю, – параллельно с этим Маруська рояли будет покупать и батистовые подвязки на мои деньги. Тьфу, говорю, провались, какие неприятности!

А судья говорит:

– Может, и ваш. Вы, – говорит, – припомните.

Я говорю:

– Мне припоминать нечего. Я, – говорю, – от этих припоминаний захворать могу... А насчет Маруськи – была раз на квартиру пришедши. И на трамвае, – говорю, – раз ездили. Я платил. А только, – говорю, – не могу я за это всю жизнь ежемесячно вносить. Не просите...

Судья говорит:

– Раз вы сомневаетесь насчет младенца, то мы сейчас его осмотрим и пускай увидим, какие у него наличные признаки.

А Маруська тут же рядом стоит и младенца своего разворачивает.

Судья посмотрел на младенца и говорит:

– Носик форменно на вас похож.

Я говорю:

– Я, – говорю, – извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик действительно на меня похож! За носик, – говорю, –

я всегда способен три рубля или три с полтиной вносить. А зато, – говорю, – остатный организм весь не мой. Я, – говорю, – жгучий брюнет, а тут, – говорю, – извиняюсь, как дверь белое. За такое белое – рупь или два с полтиной могу только вносить. На что, – говорю, – больше, раз оно в союзе даже не состоит.

Судья говорит:

– Сходство действительно растяжимое. Хотя, – говорит, – носик весь в папашу.

Я говорю:

– Носик не основание. Носик, – говорю, – будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои – махонькие очень дырочки. За такие, – говорю, – дырочки не могу больше рубля вносить. Разрешите, – говорю, – народный судья, идти и не задерживаться.

А судья говорит:

– Погоди маленько. Сейчас приговор вынесем.

И выносят – третью часть с меня жалованья.

Я говорю:

– Тьфу на всех. От таких, – говорю, – дел захворать можно».

1926

Дрова

*И не раз и не два вспоминаю святые слова –
дрова.*

А. Блок

Это подлинное происшествие случилось на Рождестве. Газеты мелким шрифтом в отделе происшествий отметили, что случилось это там-то и тогда-то.

А я – человек любопытный. Я не удовлетворился сухими газетными строчками.

Я побежал по адресу, нашел виновника происшествия, втерся к нему в доверие и попросил подробнее осветить всю эту историю.

За бутылкой пива эта вся история была освещена.

Читатель – существо недоверчивое. Подумает: до чего складно врет человек.

А я не вру, читатель. Я и сейчас могу, читатель, посмотреть в ясные твои очи и сказать: «Не вру». И вообще я никогда не вру и писать стараюсь без выдумки. Фантазией я не отличаюсь. И не люблю поэтому растрачивать драгоценные свои жизненные соки на какую-то несуществующую выдумку. Я знаю, дорогой читатель, что жизнь много важнее литературы.

Итак, извольте слушать почти святочный рассказ.

«Дрова, – сказал мой собеседник, – дело драгоценное. Особенно когда снег выпадет да морозец ударит, так лучше дров ничего на свете не сыскать.

Дрова даже можно на именины дарить.

Лизавете Игнатьевне, золовке моей, я в день рождения подарил вязанку дров. А Петр Семеныч, супруг ейный, человек горячий и вспыльчивый, в конце вечеринки ударил меня, сукин сын, поленом по голове.

– Это, – говорит, – не девятнадцатый год, чтобы дрова преподнести.

Но, несмотря на это, мнения своего насчет дров я не изменил. Дрова – дело драгоценное и святое.

И даже когда проходишь по улице мимо, скажем, забора, а мороз пощипывает, то невольно похлопываешь по деревянному забору.

А вор на дрова идет специальный. Карманник против него – мелкая социальная плотва.

Дровяной вор – человек отчаянный. И враз его никогда на учет не возьмешь.

А поймали мы вора случайно.

Дрова были во дворе складены. И стали те общественные дрова пропадать. Каждый день три-четыре полена недочет. А с четвертого номера Серега Пестриков наиболее колбасится.

– Караулить, – говорит, – братишки, требуется. Иначе, – говорит, – никаким каком вора не возьмешь.

Согласился народ. Стали караулить. Караулим по очереди, а дрова пропадают.

И проходит месяц. И заявляется ко мне племянник мой, Мишка Власов.

— Я, — говорит, — дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. И могу вам на родственных началах по пустяковой цене динамитный патрон всучить. А вы, — говорит, — заложите патрон в полено и ждите. Мы, — говорит, — петрозаводские, у себя в доме завсегда так делаем, и воры оттого пугаются и красть остерегаются. Средство, — говорит, — богатое. — Неси, — говорю, — курицын сын. Сегодня заложим.

Приносит.

Выдолбил я лодочку в полене, заложил патрон. Замуровал. И небрежно кинул полешко на дрова. И жду: что будет.

Вечером произошел в доме взрыв.

Народ смертельно испугался — думает черт знает что, а я-то знаю и племянник Мишка знает, в чем тут запятая. А запятая — патрон взорвался в четвертом номере, в печке у Сереги Пестрикова.

Ничего я на это Сереге Пестрикову не сказал, только с грустью посмотрел на его подлое лицо, и на расстроенную квартиру, и на груды кирпича вместо печи, и на сломанные двери — и молча вышел.

Жертв была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев — помер с испугу. Его кирпичом по балде звездануло.

А сам Серега Пестриков и его преподобная мамаша и сей-

час живут на развалинах. И всей семейкой с нового году предстанут перед судом за кражу и дров пропажу.

И только одно обидно и досадно, что теперича Мишка Власов приписывает, сукин сын, себе все лавры.

Но я на суде скажу, какие же, скажу, его лавры, если я и полено долбил, и патрон закладывал?

Пушай суд распределит лавры».

1926

Воры

Что-то, граждане, воров нынче развелось. Кругом прут без разбора.

Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли.

У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.

И чего, например, с этим социальным бедствием делать? Руки, что ли, вора́м отрывать?

Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время вора́м руки отрезали. Проворуетса, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему чик, и ходи, сукин сын, без руки.

Зато и люди там пошли положительные. Там, говорят, квартиры можно даже не закрывать. А если, например, на улице гражданин бумажник обронит, так и бумажника не возьмут. А положат на видную тумбу, и пушай он лежит до скончания века... Вот дураки-то!

Ну, деньги-то из бумажника, небось, возьмут. Это уж не может того быть, чтоб не взяли. Тут не только руки отрезай, тут головы начисто оттяпывай – и то, пожалуй, не поможет. Ну да деньги – дело наживное. Бумажник остался, и то мерси.

Вот у меня, не доезжая Жмеринки, чемоданчик свистнули, так действительно начисто. Со всеми потрохами. Ручки

от чемодана – и той не оставили. Мочалка была в чемодане – пяточок ей цена – и мочалку. Ну на что им, чертям, мочалка?! Бросят же, подлецы. Так нет. Так с мочалкой и сперли.

А главное, присаживается ко мне вечером в поезде какой-то гражданин.

– Вы, – говорит, – будьте добры, осторожней тут ездите. Тут, – говорит, – вору очень отчаянные. Кидаются прямо на пассажиров.

– Это, – говорю, – меня не пугает. Я, – говорю, – завсегда ухом на чемодан ложусь. Услышу.

Он говорит:

– Дело не в ухе. Тут, – говорит, – такие ловкачи – сапоги у людей снимают. Не то что ухо.

– Сапоги, – говорю, – опять же у меня русские, с длинным голенищем – не снимут.

– Ну, – говорит, – вас к черту. Мое дело – предупредить. А вы там как хотите.

На этом я и задремал.

Вдруг, не доезжая Жмеринки, кто-то в темноте как дернет меня за ногу. Чуть, ей-богу, не оторвал... Я как вскочу, как хлопну вора по плечу. Он как сиганет в сторону. Я за ним с верхней полки. А бежать не могу.

Потому сапог наполовину сдернут – нога в голенище болтается.

Поднял крик. Всполошил весь вагон.

– Что? – спрашивают.

– Сапоги, – говорю, – граждане, чуть не слимонили.

Стал натягивать сапог, гляжу – чемодана нету.

Снова крик поднял. Обыскал всех пассажиров – нету чемодана. Вор-то, оказывается, нарочно за ногу дернул, чтоб я башку с чемодана снял.

На большой станции пошел в Особый отдел заявлять.

Ну, посочувствовали там, записали.

Я говорю:

– Если поймаете, рвите у него к чертям руки.

Смеются.

– Ладно, – говорят, – оторвем. Только карандаш на место положите.

И действительно, как это случилось, прямо не знаю. А только взял я со стола ихний чернильный карандаш и в карман сунул.

Агент говорит:

– У нас, – говорит, – даром что Особый отдел, а в короткое время пассажиры весь прибор разворовали. Один сукин сын чернильницу унес. С чернилами.

Извинился я за карандаш и вышел.

«Да уж, – думаю, – у нас начать руки отрезать, так тут до черта инвалидов будет. Себе дороже».

А впрочем, чего-нибудь надо придумать против этого бедствия.

Хотя у нас имеется такая смелая мысль: жизнь с каждым годом улучшается и в скором времени, может быть, совсем

улучшится, и тогда, может быть, и воров не будет.

Вот этим самым и проблема разрешится. Подождем.

1926

Галоша

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно.

Особенно если сбоку поднажмут да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит, – вот вам и нет галоши.

Галошу потерять прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел – обе галоши стояли на месте. А вышел из трамвая – гляжу, одна галоша здесь, на ноге, а другой нету. Сапог – здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял остальную галошу, завернул в газету и пошел так.

После работы, думаю, пушусь в розыски. Не пропадать же товару! Где-нибудь да раскопаю.

После работы пошел искать. Первое дело – посоветовался с одним знакомым вагоновожатым. Тот прямо вот как меня обнадежил.

– Скажи, – говорит, – спасибо, что в трамвае потерял. В другом общественном месте не ручаюсь, а в трамвае потерять – святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело.

– Ну, – говорю, – спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день иду в камеру.

– Нельзя ли, – говорю, – братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

– Можно, – говорят. – Какая галоша?

– Галоша, – говорю, – обыкновенная. Размер – двенадцатый номер.

– У нас, – говорят, – двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

– Приметы, – говорю, – обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету, сносились байка.

– У нас, – говорят, – таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

– Специальные, – говорю, – признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука, – говорю, – почти что нету. Сносился каблук. А бока, – говорю, – еще ничего, пока что удержались.

– Посиди, – говорят, – тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

Вот, думаю, славно аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши.

Я им говорю:

– Спасибо, – говорю, – друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

– Нету, – говорят, – уважаемый товарищ, не можем дать.

Мы, – говорят, – не знаем, может, это не вы потеряли.

– Да я же, – говорю, – потерял. Могу дать честное слово.

Они говорят:

– Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Приноси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пущай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

Я говорю:

– Братцы, – говорю, – святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

Они отвечают:

– Дадут, – говорят, – это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома, говорю ему:

– Давай бумагу. Галоша гибнет.

– А верно, – говорит, – потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

– Ей-богу, – говорю, – потерял.

Он говорит:

– Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если б ты мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял, – тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

– Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

– Ну тогда пиши мне заявление.

Я говорю:

– А что там написать?

Он говорит:

– Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. Вот, думаю, люди работают! Да в каком-нибудь другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее – только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно.

Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил.

Другой раз станет скучно, взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится.

Вот, думаю, славно канцелярия работает!

Сохраню эту галошу на память. Пущай потомки любят-

ся.

1926

Баретки

Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки купить. Дочка у него, Нюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой сапоги приобретать. Потому как дело к осени, а сапожонок, конечно, нету.

Вот Трофимыч поскрипел зубами – мол, такой расход, – взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один коммерческий магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо – и товар хорош, и мерка аккуратная. Одно, знаете, никак не годится – цена не годится. Цена, прямо скажем, двенадцать целковых!

А Трофимыч, конечно, хотел подешевле купить эти детские недомерки – рубля за полтора, два.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине спросили червонец. В третьем магазине опять червонец. Одним словом, куда ни придут – та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы – расхождение и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги – хороши.

Спросили цену: девять целковых, и никакой скидки. Начал Трофимыч упрашивать, чтобы ему скостили рубля три-четыре, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал.

– Прежде, – говорит, – заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

– Сейчас, – говорит, – ребенок, может быть, явится. Может, ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

– Это меня не касается. Я товара не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

– Я лучше с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

«А то, – думает, – папаня, как пить дать, обратно не купит по причине все той же дороговизны».

Так и не вернулась.

Нечего делать – заплатил Трофимыч, сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих новых барет-

ках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили: в государственных магазинах начали отпускать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

А детишки, конечно, довольно самостоятельные пошли. Поколение, я говорю, довольно свободное.

1927

Волокита

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать – сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То «завтраками» кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

Конечно, ихнее дело тоже хамское. К ним, бюрократам, тоже на день, может, по сто человек с глупыми вопросами лезет. Тут поневоле нервная грубость образуется.

А только Кульков не мог входить в эти интимные подробности и ждать больше.

Он думает:

«Ежели сегодня дела не окончу, то определенно худо. За-

таскают еще свыше месяца. Сейчас, – думает, – возьму кого-нибудь из канцелярского персонала и смажу слегка по морде. Может, после этого факта обратят на меня благосклонное внимание и дадут делу ход».

Заходит Федор Кульков на всякий случай в самый нижний, подвальный этаж, – мол, если кидать из окна будут, чтоб не шибок разбиться. Ходит по комнатам.

И вдруг видит такую возмутительную сцену. Сидит у стола на венском стуле какой-то средних лет бюрократ. Воротничок чистый. Галстук. Манжетки. Сидит и абсолютно ничего не делает. Больше того, сидит, развалившись на стуле, губами немножко свистит и ногой мотает.

Это последнее просто вывело из себя Федора Кулькова.

«Как, – думает, – государственный аппарат, кругом портреты висят, книги лежат, столы стоят, и тут наряду с этим мотанье ногой и свист – форменное оскорбление!»

Федор Кульков очень долго глядел на бюрократа – возбуждался. После подошел, развернулся и дал, конечно, слегка наотмашь в морду.

Свалился, конечно, бюрократ со своего венского стула.

И ногой перестал мотать. Только орет остро.

Тут бюрократы, ясное дело, сбежались со всех сторон – держать Кулькова, чтоб не ушел.

Битый говорит:

– Я, – говорит, – по делу пришедши, с утра сижу. А ежели еще натошак меня по морде хлопать начнут в государствен-

ном аппарате, то покорнейше благодарю, не надо, обойдемся без этих фактов.

Федор Кульков то есть до чрезвычайности удивился.

– Я, – говорит, – прямо, товарищи, не знал, что это посетитель пришедши, я думал, просто бюрократ сидит. Я бы его не стал стегать.

Начальники орут:

– Отыскать, туды-сюды, кульковское дело!

Битый говорит:

– Позвольте, пущай тогда и на меня обратят внимание. Почему же такая привилегия бьющему? Пущай и мое дело разыщут. Фамилия Обрезкин.

– Отыскать, туды-сюды, и обрезкино дело!

Побитый, конечно, отчаянно благодарит Кулькова, ручки ему жмет:

– Морда, – говорит, – дело наживное, а тут по гроб жизни вам благодарен за содействие против волокиты.

Тут быстрым темпом составляют протокол, и в это время кульковское дело приносят. Приносят его дело, становятся на нем резолюцию и дают совершенно законный ход.

Битому же отвечают:

– Вы, – говорят, – молодой человек, скорей всего ошиблись учреждением. Вам, – говорят, – скорей всего в собес нужно, а вы, – говорят, – вон куда пришедши.

Битый говорит:

– Позвольте же, товарищи! За что же меня, в крайнем слу-

чае, тогда по морде били? Пущай хоть справку дадут: мол, такого-то числа, действительно, товарищу Обрезкину набили морду.

Справку Обрезкину отказали дать, и тогда, конечно, он полез к Федору Кулькову драться. Однако его вывели, и на этом дело заглохло.

Самого же Кулькова посадили на две недели, но зато дело его благоприятно и быстро кончилось без всякой волокиты.

1927

Серенада

Вот интересно. Подрались два человека. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка заколотил сильного.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он, сжулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу: мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина с буденновскими усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный полуинтеллигентный студентик. Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

А водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолазном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно какой здоровый дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на физиономии. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только надо сказать, промежду них не было классовой

борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба-два были совершенно пролетарского происхождения. А просто они, скажем грубо, не поделили между собой бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была Шурочка. Так, ничего себе. Ротик, носик – это все есть. Но особенно такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее сильно влюбившись. На двенадцатом году революции.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. Я не знаю. Только она, действительно, отошла к нему.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дышать.

Называет его разными хамскими именами. В грудь пихает. Пихнет и говорит:

– А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе башку отвинчу. Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со своей Шу-

рочкой. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии:

– На морде, – говорит, – проказа, а, между прочим, барышень до самых дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и ударяет товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном пути встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом ходит до водолаза и обратно бьет его в морду.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и снова ударяет его по зубам.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента, как говорится, стали отниматься ноги.

А дело было к весне. Запевали птички, и настурции цвели. И наш голубчик-студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна – отдыхал. И водолаз завсегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад откидывал, будто его бить собирались.

Через недели две студент, поправившись, еще три раза бил водолаза и два раза получил сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер побитую личность и говорит:

– Я, – говорит, – перед вами сдаюсь. Я, – говорит, – через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел. Сердечная просьба не бить меня больше.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей Шурочкой. А водолаз уехал на Черное море нырять за «Черным принцем».

На этом дело и кончилось.

Так что сила – силой, а против силы имеется еще одно явление.

1929

Приятная встреча

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью.

Я ехал в Москву. Из Ростова. Вот подходит почтово-пассажирский поезд в шесть сорок пять вечера.

Сажусь я в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже, в крайнем случае, сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

И вот гляжу на своих попутчиков.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темно-вато. Вообще сумерки. И огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот, гляжу на окружающих пассажиров и вижу – компания подобралась довольно славная. Такие все, вижу, симпатичные, не надутые люди.

Один такой без шапки, длинногровый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке.

Рядом с ним – в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой уса́тый. Только не инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только, видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого соседа – безрукого.

Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалко глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И, поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой седоватый мужчина в черном картузе. И все он, этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь забавный разговор был. Только видать, этот пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: «хе-е» и «хе-е».

А очень меня заинтриговал не этот седоватый, а тот, который безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, привыкну к пассажирам, разговарюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы: куда едете, почем капуста и

есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

– У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

– И что же, – говорю, – вы там комнату имеете или собачью будку?

– Нет, – говорит, – зачем комнату. Берите выше. У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее.

Я говорю:

– Может, врете? Что ж, – говорю, – вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

– Нет, – говорит, – это есть мое родовое поместье, особняк. Да вы, – говорит, – приезжайте ко мне. Я иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры вальсы играют.

– Что же вы, – говорю, – я извиняюсь, арендатор будете или вы есть частное лицо?

– Да, – говорит, – я частное лицо. Я, между прочим, помещик.

– То есть, – говорю, – как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, – говорю, – пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, – говорю, – извиняюсь, не могу чего-то разобраться в этом деле. У нас, – говорю, – социальная революция, социализм – какие у нас могут быть помещики.

– А вот, – говорит, – могут. Вот, – говорит, – я помещик. Я, – говорит, – сумел сохраниться через всю вашу революцию. И, – говорит, – я плевал на всех – живу как бог. И нет мне дела до ваших социальных революций.

Я гляжу на него с изумлением и прямо не понимаю, что к чему.

Он говорит:

– Да вы приезжайте – увидите. Ну, хотите – сейчас заедем ко мне. Очень, – говорит, – роскошную барскую жизнь встретите. Поедем. Увидите.

«Что, – думаю, – за черт. Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию? Или он брешет».

Тем более вижу – седоватый мужчина смеется. Все хохочет: «хе-е» и «хе-е».

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а уса́тый, который раньше нарезал яблоко, отложил перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

– Да вы с ним перестаньте разговор поддерживать. Это психические. Не видите, что ли?

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу – ба́тюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый – ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто сми́рительная рубашка надета – руки скручены. И сразу не

разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый – ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю – еще, думаю, черт их побери, задушат, раз они психические и не отвечают за свои поступки.

Только вдруг вижу – один ненормальный, с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг осторожно берет его в руку.

Тут у меня сердце екнуло и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает. Говорит:

– Чего вы на них-то навалились, как вам, право, не совестно. Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое – да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и вы. Мы у них ножик одалживали – попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

– Я же им ножик давал, они же на меня и накидываются. Душат за горло. Благодарю – спасибо. Какие странные поступки с ихней стороны. Да, может, это тоже психический. Тогда, если вы сторож, вы за ним получше глядите. Эвон, накидывается – душит за горло.

Сторож говорит:

– А может, и он тоже психический. Пес его разберет. Только он не с моей партией. Чего я за ним буду зря глядеть. Нечего мне указывать. Я своих знаю.

Я говорю задушенному:

– Я извиняюсь, я думал – вы тоже ненормальный.

– Вы, – говорит, – думали. Думают индейские петухи... Чуть, сволочь, не задушил за горло. Разве не видите, что ли, ихний безумный взгляд и мой – натуральный.

– Нет, – говорю, – не вижу. Напротив, – говорю, – у вас тоже в глазах какая-то муть, и борода тычком растет, как у ненормального.

Один психический – этот самый помещик – говорит:

– А вы дерните его за бороду – вот он и перестанет ненормальности говорить.

Бородатый хотел закричать караул, но тут мы приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли.

И вышли они в довольно строгом порядке. Только что безрукого пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда довольно часто возят таких психических. И что, как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же. Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. Глупо, конечно, произошло, что разговорился, как дурак, но ничего! А вот которо-

го я подмял, тот действительно обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и с испугом следил за моими движениями. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста.

1930

Слабая тара

Нынче взятки не берут. Это раньше шагу нельзя было шагнуть без того, чтобы не дать или не взять.

А нынче характер у людей сильно изменился к лучшему. Взятки, действительно, не берут.

Давеча мы отправляли с товарной станции груз.

У нас тетка от гриппа померла и в духовном завещании велела отправить ейные там простыни и прочие мещанские вещицы в провинцию, к родственникам со стороны жены.

Вот стоим мы на вокзале и видим такую картину, в духе Рафаэля.

Будка для приема груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические весы. Весовщик за ними. Весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикладывает гирьки, клеит ярлыки и дает разъяснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

– Сорок. Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите... Не станови сюда, балда, станови на эту сторону.

Такая приятная картина труда и быстрых темпов.

Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз

принимать. Чуть расхлябанная тара – он ее не берет. Хотя видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, ахают и страдают.

Весовщик говорит:

– Заместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пущай он вам укрепит. Пущай сюда пару гвоздей вобьет и пущай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди – я приму.

Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желающим слабую тару. И которым отказали, те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он надел очки, чтоб его было хуже видать. А может быть, он служит на оптическом заводе, и там даром раздают очки.

Вот он ставит свои шесть ящиков на метрические десятичные веса.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит:

– Слабая тара. Не пойдет. Сымай обратно.

Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки. Кото-

рый в очках кричит:

– Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, – говорит, – не свои ящики отправляю. Я, – говорит, – отправляю государственные ящики с оптического завода. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везти назад? Отвечай, собака, или я из тебя котлетку сделаю!

Весовщик говорит:

– А я почему знаю? – И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стекол, принимает этот жест за что-то другое. Он вспыхивает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей восемь денег, все рублями. И хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

– Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор своего положения.

– Нет, – говорит, – я деньги вынул просто так. Хотел, чтобы вы их подержали, покуда я сыму ящики с весов.

Он совершенно теряется, несет сущий вздор, принимает-ся извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде.

Весовщик говорит:

– Стыдно. Здесь взятки не берут. Сымайте свои шесть ящичков с весов – они мне буквально холодят душу. Но, поскольку это государственные ящики, обратитесь вот до того рабочего, он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовет еще одного служащего и говорит ему голосом, только что перенесшим оскорбление:

– Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд. Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказывать.

Другой служащий отвечает:

– Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пущай не могут думать, что у нас по-прежнему рыльце в пуху.

Который в очках, совершенно сопревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару. Он спрашивает с меня восемь рублей.

Я говорю:

– Что вы, – говорю, – обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя.

Он мне говорит интимным голосом:

– Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но, – говорит, –

войдите в мое пиковое положение – мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

– Стало быть, – я говорю, – вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и любуюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

– Тара слабовата. Не пойдет.

Я говорю:

– Разве? Мне сейчас только ее укрепляли. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

– Ах, пардон, пардон. Извиняюсь. Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную.

Я читаю накладную, а там сказано: «Тара слабая».

– Да что ж вы, – говорю, – делаете, арапы? Мне же, – говорю, – с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, – говорю, – я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

– Что пардон, то пардон, извиняюсь.

Он вычеркивает надпись – и я ухожу домой, рассуждая по дороге о сложной душевной организации своих сограждан, о перестройке характеров, о хитрости и о той неохоте, с какой мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции.

Что пардон, то пардон.

1930

Не надо спекулировать

Пока мы тут с вами решаем разные ответственные вопросы насчет колхозов и промфинплана – жизнь идет своим чередом. Люди устраивают свою судьбу, женятся, выходят замуж, заботятся о своем личном счастьешке, а некоторые даже жулят и спекулируют. Конечно, в настоящее время спекулировать довольно затруднительно. Но вместе с тем находятся граждане, которые придумывают чего-то такое свеженькое в этой области.

Вот об одной такой спекуляции я и хочу вам рассказать. Тем более факт довольно забавный. И тем более это – истинное происшествие. Один мой родственник прибыл из провинции и поделился со мной этой новостью.

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну а замуж в настоящее время выйти не так-то просто. Тем более, если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта.

В нашей пролетарской стране вопрос об интеллигентах – вопрос пока довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена в положительном смысле, а тут, я извиняюсь, – женихи. Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче немного. То есть есть, конечно, но все они какие-то такие – или уже женатые, или уже имеют две-три семьи, или вообще ли-

шенцы, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней умер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию, А-а, думает, ерунда. А после видит – нет, далеко не ерунда, – женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала. И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе – усиленно питалась. Вот она пьет молоко около года, поправляется и между прочим имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверное, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты дорожают. Молоко, дескать, жидковатое, и вообще женихов нету. Молочница говорит:

– Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало.

Зубной врач говорит:

– Зарабатываю подходяще. Все у меня есть – квартира, обстановка, деньжата. И сама, – говорит, – я не такое уж мурло. А вот подите ж, вторично замуж выйти буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай объявление.

Молочница говорит:

– Ну, – говорит, – газета – это не разговор. А чего-нибудь

такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

— В крайнем случае я бы, — говорит, — и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

— А много ли вы дадите?

— Да, — говорит врачиха, — смотря какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, говорит, червонца три я бы дала, не сморгнув глазом.

Молочница говорит:

— Три, — говорит, — это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, — говорит, — есть на примете подходящий человек.

— Да, может, он не интеллигентный, — говорит врачиха, — может, он крючник.

— Нет, — говорит, — зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он — монтер. Он полностью закончил семилетку.

Врачиха говорит:

— Тогда вы меня с ним познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А, надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

– Вот, мол, Николаша, чего получается. Можно, – говорит, – рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего, если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыплет ей пять червонцев.

– И, – говорит, – в крайнем случае, если она будет настаивать, можно и записаться. В настоящее время это не составляет труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там послезавтра – обратный ход.

А муж этой молочницы, этакий довольно красивый сукин сын, с усиками, так ей говорит:

– Очень отлично. Пожалуйста! Я, – говорит, – всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустяки – записаться.

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация.

Муж молочницы, этот известный трепач с усиками, срочно записывается с врачихой, переходит временно в ее апартаменты и пока что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней.

Тогда приходит молочница.

– Так что, – говорит, – в чем же дело?

Монтер говорит:

– Да нет, я раздумал вернуться. Я, – говорит, – с этим врачем жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по физиономии за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачей. А врача, узнав про все, очень хотела и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни черта хорошего из этого не вышло. Больше того – ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

1931

Смешная историйка

Нынче все как сговорились – просят посмешней писать.

Как будто, знаете, это от нас зависит. Как будто мы все из пальца высасываем. Как будто у нас только и делов, что выдумывать смешные истории.

Хотя вот, впрочем, извольте – расскажу одно комичное приключение. Так сказать, из подлинной жизни.

А стоим мы раз в кино и дожидаем одну знакомую.

Тут, надо сказать, одна особа нам понравилась. Такая до-вольню интересная бездетная девица. Служащая.

Ну, конечно – любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинение стихов на тему, никак не связанную со строительством, – чего-то там такое: «Птичка прыгает с ветки на ветку, на небе солнышко блестит»...

Любовь в этом смысле завсегда вредно отражается на мировоззрении отдельных граждан. Замечается нытье и разные гуманные чувства. Наблюдается какая-то жалость к птицам и к людям и желание тем и другим помочь. И сердце делается какое-то такое чувствительное. Что, говорят, совершенно излишне в наши дни.

Так вот, раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаясь свою даму.

А она, поскольку служащая и не дорожит местом – любит опаздывать. И по привычке переносит свое опоздание и на

эту личную почву.

И вот стою, как дурак, в кино и дожидаясь.

Так очередь у кассы струится. Так дверь раскрыта на улицу – заходите. Так я стою. И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подшутить, схватить за нос. На душе пенье раздается, и сердце разрывается от счастья.

И вдруг вижу – стоит около входной двери бедно одетая старушка. Такой у нее рваненький ватерпруфчик, облезлая муфточка, дырявые старинные прюнелевые башмачонки.

И стоит эта старушка скромно у двери и жалостными глазами смотрит на входящих, ожидая, не подадут ли.

Другие на ее месте обыкновенно нахально стоят, нарочно поют тонкими голосами или бормочут какие-нибудь французские слова, а эта стоит скромно и даже как-то стыдливо.

Гуманные чувства заполняют мое сердце! Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе.

И у самого от полноты чувства слезы, как бриллианты, блещут в глазах.

Старушка поглядела на рубль и говорит:

– Это чего?

– Вот, – говорю, – примите, мамаша, от неизвестного.

И вдруг вижу – у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.

– Странно, – говорит, – я, кажется, не прошу. Чего вы мне

рубль пихаете... Может быть, я дочку жду – собираюсь с ней в кино пойти. Очень, – говорит, – обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

– Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю...

Пардон, – говорю. – Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто зачем стоит. Шутка ли, столько народу. Пойди, разбирайся.

Думаю – скверность какая.

И хочу уйти.

Но старуха поднимает голос до полного визга.

– Это что ж, – говорит, – в кино не пойти – оскорбляют личность! Как, говорит, у вас руки не отсохнут производить такие жесты! Да я лучше подожду дочку и в другое кино пойду, чем я буду с вами сидеть рядом и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руку, извиняюсь и прошу прощения. И поскорей отхожу в сторону, а то, думаю, еще, чего доброго, заметут в милицию, а я даму жду.

Вскоре приходит моя дама. А я стою скучный и бледный и даже несколько обалдевший и стыжусь по сторонам глядеть, чтобы не увидеть моей оскорбленной старухи.

Вот я беру билеты и мелким шагом волочусь за своей дамой.

Вдруг подходит ко мне кто-то сзади и берет меня за локоть.

Я хочу развернуться, чтоб уйти, но вдруг вижу – передо мной старуха.

– Извиняюсь, – говорит она, – это не вы ли мне давеча рубль давали?

Я чего-то невнятное лепечу, а она продолжает:

– Тут, не помню, кто-то мне давал сейчас рубль... Кажется, вы. Если вы, тогда, ладно, дайте. Тут дочка не рассчитала, а вторые места дороже стоят, чем мы думали. Прямо хоть уходи. Извиняюсь, – говорит, – что напомнила.

Я вынимаю кошелек, но моя дама выпускает следующие слова:

– Совершенно, – говорит, – не к чему швыряться деньгами. Уж если на то пошло, я лучше нарзану в буфете выпью.

Нет, я все-таки дал старухе рубль! И мы, в растрепанных чувствах, стали глядеть картину. Под музыку дама меня пилила, говоря, что за две недели знакомства я ей пузырек одеколону не мог купить, а, между прочим, пыль в глаза пускаю и раздаю рубли направо и налево.

Под конец стали показывать веселую комедию, и мы, забыв обо всем, весело хохотали.

1932

Испытание героев

Я, товарищи, два раза был на фронте: в царскую войну и во время революции, в гражданскую. Воевал, можно сказать, чертовски.

Однако особых героев я не знал.

А вообще говоря, герои были. Но особенно сильно запал мне в душу один человек.

Этот человек не был такой, что ли, очень крупный революционер или там народный предводитель, вождь или покоритель Сибири.

Это был обыкновенный помощник счетовода, некто Николай Антонович. Его фамилию я даже, к сожалению, позабыл.

А работал этот Николай Антонович совместно с нами в управлении советского хозяйства в городе Арюпино.

Нет, я никогда не был любитель работать в канцелярии! Мне завсегда хотелось найти более чего-нибудь грандиозное – какой-нибудь там простор полей, какие-нибудь леса, белки, звери, какой-нибудь там закат солнца. Хотелось ездить на велосипедах, на верблюдах, хотелось говорить разные слова, строить здания, сараи, железнодорожные пути и так далее и тому подобное.

Нет, я не был любитель перья в чернильницу макать.

Но, между прочим, пришлось мне поработать и на этом

чернильном фронте.

Меня заставил пуститься на это дело целый ряд несчастных обстоятельств.

Я работал до этого в совхозе. Я имел командную должность – инструктор по кролиководству и куроводству.

Вот, имею я эту должность, и происходит у меня чудовищная пренеприятность.

А именно: стали у меня утки в пруде тонуть. То есть, скажите мне, бывшему инструктору по кролиководству и куроводству, что утка может в воде потонуть, я бы никогда этому не поверил и даже, наверное, грубо рассмеялся бы в ответ. Утка, можно сказать, существо вовсе и даже совершенно приспособленное к воде. Ей по своей природе вода доступна. Она плавает и ныряет прямо как утка, как рыба. И тонуть ей, ну, просто свыше не разрешается.

Однако у нас по неизвестной причине стали утки в проруби тонуть. Куры, конечно, тоже параллельно с ними тонули. Но куры – это неудивительно, курам по своей природе тонуть допустимо. Но утка – это уже, знаете, слишком.

Тем не менее утки стали у меня тонуть. И за месяц потонуло у меня тридцать шесть уток.

Вот тонут у меня эти утки. А я – инструктор по кролиководству и птицеводству. И от этих делов у меня сердце замирает, руки холодеют и ноги отнимаются.

Стали мы наблюдать за этим делом. Видим – все в порядке. Прорубь на озере. Утки плавают и ныряют.

Вот они плавают, ныряют и забавляются. И видим мы, что обратно на лед они выйти не могут.

Другие утки, более мощные и которые похитрее, – те выходят при помощи своих собратьев по перу. Они нахально становятся другим уткам на голову и на что попало и после прыгают на лед.

А последние утки, более растерявшиеся и которым не на что опереться, – те, к сожалению, тонут. Они плавают подряд несколько часов, кричат нечеловеческими голосами и после, от полного утомления и от невозможности выйти на высокий лед, тонут.

Тут крестьяне из соседнего совхоза стали давать советы: – Что вы, – говорят, – арапы, делаете с своей живностью! Вы, – говорят, – обязаны лед несколько поддолбить и песком его посыпать, а иначе, – говорят, – у вас вся птица на дно пойдет.

Тут, действительно верно, с нашей стороны был преступный недосмотр и, главное, незнание всей сути. И хотя в то время кой-какой экзамен на звание куровода мы и сдавали, однако о всех куриных тонкостях понятия не имели, тем более что экзамены мы сдавали во время голода, так что, собственно, даже и не до того было, не до экзаменов. К тому же мы сдавали в более южном районе, где зима бывает слабая и льду никакого нету. Так что таких вопросов, ну, просто не приходилось затрагивать.

Что касается своих совхозских ребят, то они, вероятно,

кое-чего знали и понимали, но молчали. Тем более, это им было на руку – они утонувших утей после составления акта жарили, парили и варили и, несмотря на утонутие, с наслаждением кушали их с кашей и с яблоками.

Вот потонуло у меня тридцать шесть утей, и, значит, дело дошло это до высшего начальства.

Вот начальство вызывает нас в управление, кричит и говорит разные гордые, бичующие слова, дескать, человек вы, без сомнения, в своем деле весьма опытный, ценный и понимающий, даже были ранены в начале гражданской войны, но поскольку, черт возьми, у вас утки стали тонуть, то это экономическая контрреволюция и шпионаж в пользу английского капитала. И если это так, то вы, скорей всего, не соответствуете своему назначению. Вас, говорят, мы, конечно, не увольняем, только сделайте милость, не работайте больше. А идите себе в управление – входящие бумаги, черт возьми, в папку зашивать.

Такие бичующие слова говорит мне высшее начальство и велит становиться в канцелярию.

Вот являюсь в канцелярию, в управление совхозов, и приступаю к своим прямым обязанностям.

А комиссаром в этом управлении был некто такой Шашмурин. Он был черноморский моряк. Очень такой отчаянный человек и дважды раненый герой гражданской войны. Но, между прочим, тем настоящим героем был не он. Настоящим героем оказался счетовод Николай Антонович.

Так вот, этот комиссар Шашмурин дело держал строго. Он опаздывать не разрешал, чуть что – ужасно ругался и всех работников канцелярии подозревал в том, что они мало сочувствуют делу коммунизма. И от этого вопроса он сильно страдал и волновался.

– Ну, конечно, – говорит, – еще бы, все вы, чуть что, морды свои отвернете. Ну-те, придет белая гвардия, и вы, – говорит, – обратно начнете свои канцелярские спины выгибать и разные чудные царские и дворянские слова говорить.

Белый же фронт, действительно верно, был от нас не очень далеко. Нет, он до нас не дошел. Но пока что он подвигался, и даже одно время мы ожидали падения города Арюпино, Смоленской губернии.

И чем более, знаете, подвигался белый фронт, тем ужасней был наш военный комиссар Шашмурин.

Он очень всех ругал последними словами, волновался и выпрашивал каждого – какие кто имеет мысли и кому больше сочувствует – коммунистическому ли движению во главе с III Интернационалом или, может быть, дворянским классам.

Но, конечно, все уверяли его в полной своей преданности, божились, клялись и даже оскорблялись, что на них падает такое темное подозрение.

Одним словом, однажды комиссар Шашмурин устроил у нас в канцелярии штуку, за которую он впоследствии слетел со своей должности. Он получил строгий выговор, и, кроме

того, его убрали в другой город за право-левацкий загиб и превышение власти.

А захотел он проверить, кто у него из вверенных ему служащих действительно враждебно настроен и кто горячо сочувствует власти трудящихся.

Нет, сейчас вспомнить про это просто удивительно. Это была сделана грубая комедия. Все шито-крыто было белыми нитками, но в тот момент никто комедии сгоряча не заметил, и все было принято за чистую монету.

Вот что устроил военный комиссар Шашмурин.

Белый фронт был тогда близко, и даже каждый день ждали появления неприятелей и смены власти.

И вот комиссар Шашмурин подговаривает одного своего идейного товарища пойти на такую сделку. Он одевает его получше, в желтый китель, он дает ему в руки хлыстик с серебряным шариком, надевает лучшую кепку на голову, высокие шевровые сапоги. И с утра пораньше в таком наряде сажает его в свой кабинет как представителя новой дворянской власти.

А сам он помещается рядом в чулане, взбирается там на стул и своими глазами глядит из окошечка.

Нет, конечно, сейчас совершенно смешно представить эту проделку, до того все было заметно. Но служащие, которые были нервные и панически настроены и каждый день ожидали падения большевизма, ничего особенного не заметили.

Вот утром собрались служащие.

Сторож Федор, который тоже был подговорен комиссаром, замыкает тогда двери на ключ, произносит какой-то дворянский лозунг и говорит, — дескать, вот, робя, падение большевизма совершилось. И пушай каждый служащий по очереди заходит в кабинет к новому начальству на поклон.

Вот служащие совершенно оробели и начали по очереди являться в кабинет.

Вот видят — стоит новое начальство в гордой дворянской позе. Вот в руке у него стек. Глаза у него сверкают. И слова он орет громкие, не стесняясь присутствием машинистки.

— Я, — говорит, — выбью из вас красную заразу, трам-тарарам. Я, — говорит, — покажу вам революционные начинания. Я, — говорит, — трам-тарарам, не позволю вам посягать на дворянские земли и устраивать из них совхозы, колхозы и разные там силосы...

Вот, конечно, вошедший служащий жметесь и извиняется, разводит руками, — дескать, какая там, знаете, революция, какие там силосы — не смешите. Да разве мы что... Мы очень рады и все такое...

А начальник в своем кителе орет и орет и заглушает своим голосом Шашмурина, который в своем чулане скрипит зубами и чертыхается.

Из десяти служащих опросили только шесть.

Трое говорили неопределенные слова, моргали ресницами и пугались. Один, скотина, начал нашептывать новому начальству о всяких прошлых событиях и настроениях. Дру-

гой начал привирать, что хотя он сам будет не из дворянства, но давно сочувствует этому классу и в прежнее время даже часто у них находился в гостях и завсегда был доволен этим кругом и пышным угощением в виде тартинок, варенья и маринованных грибов.

Вот Шашмулин смотрит из своего окошечка, лязгает зубами, но молчит.

Вдруг приходит счетовод Николай Антонович.

Он говорит:

– Погодите вы, не кричите и своим хлыстиком не махайте. А спрашивайте меня вопросы. А я вам буду отвечать.

Тот ему говорит:

– Будешь, трам-тарарам, служить нашей старой дворянской власти?

Николай Антонович отвечает:

– Служить, – говорит, – вероятно, придется, поскольку у меня семья, но особого сочувствия я к вам не имею.

– То есть, – говорит, – трам-тарарам, как это не имеешь?

Николай Антонович отвечает твердо:

– Я, – говорит, – хотя и не коммунист, но я в революцию кровь проливал. И я, – говорит, – завсегда стоял на платформе Советской власти и никогда не ожидал от дворянской власти ничего хорошего. И я, – говорит, – считаю своим долгом высказать свое мировоззрение, а вы как хотите.

Сказал он эти слова – и вдруг смотрит, – который в желтом кителе – улыбается.

И вдруг слышен треск и шум в чулане. Это комиссар Шашмуринов от волнения со стула падает.

Он падает со стула и вбегает в комнату.

– Где, – говорит, – он?! Дайте я его обниму! Ну, – говорит, – дружок, Николай Антонович, я, – говорит, – теперича тебя не позабуду. Теперича я тебе молочный брат и кузен.

И берет он его в охапку, обнимает, нежно целует в губы и ласково ведет к своему столу. Там он потчует его чаем, угощает лепешками и курятиной и ведет длинные политические разговоры о том о сем.

Тут все понимают, что произошло. Все чересчур пугаются. Который нашептывал на ухо начальству, тот хотел в окно сигануть, но его удержали.

Особенных последствий не было. И никаких наказаний не случилось. Все даже продолжали служить как ни в чем не бывало. Только стеснялись друг дружке в глаза глядеть.

А на другой день после происшествия комиссара Шашмурина попросили к ответу за перегиб. И сразу перевели его работать в другой город.

Так и кончилась эта история.

Николай Антонович работал по-прежнему, и чего с ним случилось в дальнейшем – я не знаю.

Конечно, вы можете сказать – какой это герой, раз он даже служить у дворянства согласился.

Но дозволейте сказать: я много видел самых разнообразных людей. Я видел людей при обстоятельствах тяжелой жизни,

знаю всю изменчивость ихних характеров и взглядов, и я имею скромное мнение, что Николай Антонович был настоящий мужественный герой.

А если вы с этим не согласны, то я все равно своего мнения не изменю.

1932

С Луны свалился

1

За последние два года жизнь резко изменилась.

Главное, интересно отметить – почти прекратилось воровство.

Все стали какие-то положительные, степенные. Воруют мало. И взятки вовсе не берут.

Прямо перо сатирика скоро, небось, заржавеет.

Конечно, насчет взяток дело обстоит сложнее.

Взятки не берут, но деньги, в другой раз, получают. Тут в смысле перевоспитания публика туго поддается новым моральным течениям. При этом из боязни такого тумана напускают, что сразу и не поймешь, что к чему и почему.

Давеча на юге я столкнулся на этом фронте с одной хитростью. И вот желаю осветить это дело, чтоб другим неповадно было.

Одним словом, в одной гостинице хотели за номер содрать с меня въездные. Ну, другими словами – хотели взятку взять.

Конечно, раньше, несколько лет назад, на эту простенькую тему я бы написал примерно такой рассказец.

И вот, стало быть, еду я, братцы, на пароходе.

Ну, кругом, конечно, Черное море. Красота неземная. Скалы. Орлы, конечно, летают. Это все есть. Чего-чего, а это, конечно, есть.

И гляжу я на эту красоту и чувствую какое-то уважение к людям.

«Вот, – думаю, – человек – властитель жизни: хочет – он едет на пароходе, хочет – на орлов глядит, хочет – на берег сейчас сойдет и в гостинице расположится».

И так оно как-то радостно на душе.

Только, конечно, одна мысль не позволяет радоваться. Где бы мне, думаю, по приезде хотя бы паршивенький номеришко достать.

И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне и говорит:

– Прямо, – говорит, – милый человек, мне на вас жалостно глядеть. Ну, куда вы едете? Ну, на что вы рассчитываете? Что вы, с луны свалились?

– А что? – говорю.

– Да нет, – говорит. – Но только как же это так? Что вы – ребенок? Ну, где вы остановитесь? Чего вы поехали? Я даже согласен назад теплоход повернуть, только чтоб вам туда не ехать.

– А что, – говорю, – помилуйте?

– Как что? Да разве у вас есть знакомства – номер получить, или, может быть, у вас портье – молочный брат? Я, – говорит, – прямо удивляюсь на вас.

– Ну, – говорю, – как-нибудь. Я, – говорю, – знаю одно такое петушиное слово, супротив которого в гостинице не устоят.

Капитан говорит:

– А ну вас к черту! Мое дело – предупредить. А вы там как хотите. Хоть с корабля вниз сигайте.

И вот, значит, приезжаю.

В руках у меня два места. Одно место – обыкновенная советская корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место – очень такой великолепный фибровый или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой и сам в таком виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь в гостиницу.

Швейцар говорит:

– Напрасно будете заходить – номерей нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

– Ейн шамбер-циммер, – говорю, – яволь?

Портье говорит:

– Батюшки-светы, никак, иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

– Яволь, яволь. Оне шамбер-циммер, безусловно, яволь. Битте-дритте сию минуту. Сейчас выберу номер какой по-лучше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся. Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

– Пардон, – говорит, – господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?..

«Черт побери, – думаю, – а вдруг он, холера, по-немецки кумекает?»

– Но, – говорю, – их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань. Камарилья.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

– Батюшки-светы, – говорит, – никак, к нам испанца занесло. Сию минуту, – говорит. – Как же, как же, – говорит, – знаю, слышал – Испания, падеспань, эспаньолка...

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся.

Я говорю ломаным испанским языком:

– Яволь, – говорю, – битте-цирбитте. Несите, – говорю, – поскорей чемодан в мою номерулю. А после, – говорю, – мы поговорим, разберемся, что к чему.

– Яволь, яволь, – отвечает портье, – не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

– Платить-то как, – говорит, – будете? Ин валют одер все-таки неужели нашими?

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам – нолики и единицы.

Я говорю:

– Это я как раз не понимает. Неси, – говорю, – холера, чемодан поскорей.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пущай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко зала-танное, полукальсоны, мыльце «Кил» и прочая отечественная чертовщинка.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

– А нуте, – говорит, – подлец, покажи документ.

Я говорю:

– Не понимает. А если, – говорю, – номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

– Видали? Эта дрянь пыталась пройти под флагом иностранца.

Я собираю поскорей свое имущество и – ходу.

А в другой гостинице все же номер получил – под это же самое плюс пятьдесят рублей.

3

Вот, примерно, в таком легком виде года три-четыре назад сочинил бы я рассказ на эту тему.

Ну, конечно, молодость. Беспечность в мыслях. Пустяковый взгляд на вещи.

А нынче как-то оно не то. Нынче охота быть поближе к правде. Неохота преувеличивать, выдумывать и кувыркать-ся. Неохота сочинять разные там побасенки и фарсы с переодеванием.

Одним словом, желательно быть поправдивей и желательно говорить без всякого вранья.

И рассказ на эту тему, вернее – истинное происшествие, без прикрас и без одного слова выдумки, рисуется нам уже в таком академическом виде.

4

Прямо с парохода я отправился в гостиницу. Портье, криво усмехаясь, говорит скорее в пространство, чем мне:

– Нет, знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так все непременно к нам. Как нарочно. Как будто у нас тут для них номера заготовлены. Что вы, с луны упали? Не понимаете ситуации.

Я хочу уйти, а швейцар, тихонько вздыхая, говорит мне:

– Да уже, знаете... Прямо беда с этими номерами. Нигде нет номеров. У нас-то, конечно, нашлось бы, но... Да вы поговорите хорошенько с портье...

– Черт возьми, – говорю, – вы это про что?

Портье со своей конторки говорит швейцару через мою голову:

– Я удивляюсь на вас, Федор Михайлович. Где же у нас свободные номера? С чего вы взяли? Да, есть один номер, но он, вы же знаете, без ключа. Если хочет – пушай берет.

Я говорю:

– Хотя бы дайте без ключа.

– Ах, вам без ключа, – говорит портье, – берите. Только у нас кражи. Воруют. Упрут портьеры, а вам за них отвечать.

Я говорю:

– В крайнем случае я из номера не буду выходить. Только допустите. А то меня на море закачало – еле стою.

– Берите, – говорит портье, – только предупреждаю: у нас ключ потерян, а номер заперт. А вы, наверное, думали наоборот – номер не заперт, а ключ потерян.

– Помилуйте, – говорю, – на что же мне такой номер, в который не войти...

– Не знаю, – говорит портье, – как хотите.

Швейцар подходит ко мне и говорит:

– Я бы мог дать совет.

Даю ему трешку.

– Мерси, – говорит. – Если хотите, я сбегаю во двор. У нас там работает наш слесарь. Он может отмычкой открыть ваш номер.

Вот приходит слесарь.

– Да, – говорит, – конечно, об чем речь, еще бы. Ясно. Дверь открыть – делов на копейку, но мне, – говорит, – мало расчета подниматься в верхние этажи. Я, – говорит, – каждый час своего времени буквально на валюту считаю.

Даю слесарю пять рублей.

Он открывает отмычкой дверь и дружелюбным тоном говорит:

– Да, конечно. Еще бы. Ясно. Без ключа мало интереса жить. Все-таки вам, наверное, захотится покушать или куда-нибудь выйти попить водички, – а тут сиди, как болван.

– Да уж, – говорю, – прямо хоть человека нанимай.

– Ну, это, – говорит, – вам влетит в копеечку, а вот рублей бы за восемь я бы вам схлопотал какой-нибудь ключишко из старья.

И вот ключ подобран. Я лежу на кровати, как фон барон. Я слушаю патефон из соседнего номера – пенье господина Вертинского. Я гуляю и хожу туда и сюда. И со своим ключом чувствую себя на одном уровне с соседями.

Вечером иду на прогулку, а портье мне говорит:

– Знаете, мы вам с этим ключом заморочили голову. Мы думали, он потерян, а он висит на другом гвозде.

– Здорово, – говорю, – номер стоит пять рублей, а наклад-

ных расходов шестнадцать.

– То есть, – говорит, – как шестнадцать, а не восемь?

– Нет, – говорю, – шестнадцать. Швейцару – три, слесарю – пять, да за ключ – восемь.

– За какой ключ?

– Да, – говорю, – слесарь мне подобрал.

– Позвольте, – говорит, – да он, подлец, не продал ли вам наш ключ? Ну да, – говорит, – так и есть. Вот он тут висел, а сейчас нету. Ну, погодите, я ему...

– Тут у вас, – говорю, – кажется, шайка-лейка...

Портье начал чего-то врать и бормотать про небольшие заработки, после махнул рукой и отвернулся поговорить с вновь приезжим.

И я слышал, как он сказал:

– Да, есть один номерок, но без ключа.

Вскоре я уехал из этой гостиницы.

Между прочим, думал, что и с железнодорожными билетами будет такая же волынка и такие же накладные расходы, но оказалось – ничего подобного. Билет я получил по знакомству и заплатил за него именно столько, сколько он стоил по казенной цене. Так что я вернулся с юга в душевном равновесии.

1932

Личная жизнь

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало, раньше выйдешь на улицу этаким, как говорится, кандибобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу – ничего подобного!

Вот это, думаю, жалко! Все-таки, думаю, женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, что мы ни делаем, мы делаем для женщин. И, стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупка пальто и так далее и тому подобное – все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил немного, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все-таки, бывало, в кино пойдешь, не так обидно глядеть худую картину. Ну, там ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь – все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят!

Что, думаю, за черт? Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это? Чего им надо?

Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало. Там, вижу, вырисовывается потрепанная физиономия. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

«Ага, теперь понятно! – говорю я сам себе. – Надо усилить питание. Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку».

И вот я в спешном порядке покупаю разные продукты.

Я покупаю масло и колбасу. Я покупаю какао и так далее.

Все это ем, пью и жру прямо безостановочно. И в короткое время возвращаю себе неслыханно свежий, неутомленный вид.

И в таком виде фланирую по улицам. Однако замечаю, что дамы по-прежнему на меня не смотрят.

«Ага, – говорю я сам себе, – может быть, у меня выработалась дрянная походка? Может быть, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах, прыжков? Может, мне недостает мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы?»

Я покупаю тогда висячую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова сосе-

дям.

Я, наконец, записываюсь в спортивный кружок. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю сдуру на глубоком месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю себе голову при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрительную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках. Физия моя розовеет и краснеет. И принимает даже почему-то лиловый оттенок.

Со своей лиловой физиономией я иду однажды в театр. И в театре, как ненормальный, кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь.

И в результате вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и любуюсь на свою окрепшую фигуру и на грудь, которая дает теперь с напругой семьдесят пять сантиметров.

Я сгибаю руки и выпрямляю стан и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, того фигурянья со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо.

Я люблюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу – худо и даже безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырями на коленях приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

«Ах, теперь понятно! – говорю я сам себе. – Вот что сокрушает мою личную жизнь – я плохо одеваюсь».

И, подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить одежду.

И вот в спешном порядке я строю себе новый гардероб. Я шью по последней моде новый пиджак из лиловой портьеры. И покупаю себе брюки «Оксфорд», сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом костюме, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с широкими плечами. И в выходной день однажды выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины – те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

– Эво, какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился!

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама, с остатками поблекшей красоты, пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно люблюсь стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Потом снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих

глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит: – Извините, уважаемый... Очень, – говорит, – мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

«Ну да, конечно, – думаю, – неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты».

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напряжкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истошный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост (то есть я) носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

«Ах, вот отчего на меня не смотрят! – говорю я сам себе. – Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни».

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке,

со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

«Ну ладно, обойдусь! – говорю я сам себе. – Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина».

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

«Это брехня! – говорю я себе. – Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!»

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваюсь от проходящих женщин.

1932–1935

Беспокойный старичок

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее приподнести к ротику.

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом – коммунальная квартира. И старичка даже поставить, извините, некуда, – до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И вдобавок он, так сказать, отец, или, проще сказать, папа его жены, то есть ее папа. Бывший трудящийся. Все как полага-

ется. На пенсии.

И нянька – девчонка шестнадцати лет, принятая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба-два – муж и жена, то есть дочь ее папы, или, проще сказать, отца – служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение – папа скончался.

Ну, конечно, огорчение, расстройство чувств: поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок, интересный старичок, не могущий думать о квартирных делах, уплотнениях и дрызгах. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.